

Григорий Лолиш

Дрова из облаков

Григорий Лолиш
Дрова из облаков.
Или невероятное
путешествие Хью Бредни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270625

ISBN 9785449348289

Аннотация

Герой романа, испытатель реактивных ранцев случайно перемещается во времени-пространстве. Он оказывается в параллельном мире. Главная цель – вернуться обратно в наш мир. Но всё не так просто – приходится вступить в местную армию и отправиться в лагерь подготовки рекрутов. Путь туда лежит через джунгли, населённые враждебными существами. Герой благополучно выпутывается из всех передрыг и попадает в Новый Рим – столицу этого параллельного мира. Теперь он боец спецлегиона «Время»...

Содержание

Эпиграф	5
ЧАСТЬ 1	6
МИР ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Дрова из облаков
Или невероятное
путешествие Хью Бредни**

Григорий Лолиш

© Григорий Лолиш, 2018

ISBN 978-5-4493-4828-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф

– А что такое «лошадь»?

.– Животное. Величиной с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь, куда хочешь.

Эрци обдумал новую информацию.

– Непрактично как-то. Когда едешь на носилках, просто говоришь главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснить дорогу корове?.

Роберт Хайнлайн, Пасынки вселенной

ЧАСТЬ 1

МИР ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ

ГЛАВА 1

Я пилотирую реактивные ранцы. Знаете, что это такое?

Устройство для полёта. Такой персональный летательный аппарат, позволяющий человеку подниматься в воздух посредством реактивной тяги. Его надевают на спину, как обыкновенный рюкзак. Только в отличие от обыкновенного рюкзака реактивный ранец имеет рычаги управления, двигатель, сопла и много чего другого, о чём сейчас слишком долго рассказывать.

В общем пристёгиваешь эту штуку ремнями к телу, поворачиваешь рукоятку управления тягой двигателя и поднимаешься в воздух. Управляя рычагами, можно отклонять сопла в стороны, что позволяет менять направление полёта.

Так вот, я пилотирую реактивные ранцы, испытываю их новые версии. Реактивные ранцы вещь сложная, а спрос на них растёт. Стоят они недёшево и приходится постоянно вносить изменения – усиливать двигатели, обеспечивать дополнительные средства безопасности, одним словом оптимизировать конструкции.

Каждая идея испытывается.

Это и есть моя часть работы. Мне подробно объясняют суть внесённых изменений и дают полётное задание. Я надеваю ранец, шлем и, нажав на рычаг взлёта, взмываю вверх.

Компания, в которой я работаю, находится на севере шта-

та Нью-Йорк. Именно здесь, на границе с Канадой со мной произошла невероятная история. В неё настолько трудно поверить, что я долго колебался, прежде, чем решился рассказать о своём приключении.

Хорошо помню тот день. Стояла чудесная ноябрьская погода. Солнечные лучи пронизывали голые кроны скинувших листву клёнов и доставали до самой земли. Небо было томи-тельно лазурным, а воздух необычайно прозрачным и осве-жающим. В такой день невольно ожидаешь чего-то необыч-ного.

И знаете, что? Необычное не заставило долго себя ждать.

Я прибыл на испытательный полигон к десяти утра. Это место представляло собой обширный круг, огороженный металлической сеткой. В центре обозначен квадрат взлёта и приземления

Полётное задание предполагало быстрый набор высоты до пятидесяти ярдов, разворот и круговой полёт по спира-ли – то снижаясь до десяти, то поднимаясь до пятидесяти ярдов*

***Примечание** – ярд (англ. yard) – британская и амери-канская единица измерения расстояния. Ярд равен 91,44 см

Ричард – наш ведущий инженер и Кейт – главный меха-ник, поджидали меня в раздевалке. Мы немедленно присту-пили к делу. Попили кофе, обсудили вчерашний бейсболь-

ный матч, погоду на выходные и обменялись планами на отпуска. Высказав друг другу всё по этой части, мы проверили мой реактивный ранец и не спеша направились к центру площадки.

Вдруг у меня закружилась голова. Я даже покачнулся.

– Всё в порядке, Хью? – встревожился Ричард.

– Да, Рич. Просто лёгкое головокружение. Не знаю, что это на меня нашло.

– Небось до поздней ночи торчал в баре? – буркнул зануда Кейт.

– Ну и славная погодка сегодня! – сказал я, чтобы он отстал.

– Ясное дело. Сначала здоровался, а потом никак не мог распрощаться с бутылками. Вот голова и кружится, – не унился Кейт.

Спорить с буйной фантазией механика мне было лень. Хотелось покончить с делами, оседлать мотоцикл. Нестись вдоль засыпанных жёлто-красной листвой обочин. Остановиться у какого-нибудь придорожного паба, заказать начос, пиво и долго сидеть у окна ни о чём не думая.

Мы остановились. Я надел шлем. Ричард ещё раз проверил ремни и они с Кейтом отошли в сторону. Я нажал на рычаг и земля плавно ушла вниз.

Высота – дело для меня привычное. Хорошо знакомый ракурс. Поля, с разбросанными тут и там силосными башнями ферм, напоминающими детский конструктор лего.

Поодаль, кто-то небрежно бросил узкую ленту. Она плавно опустилась на землю и разлеглась полукольцами, по которым ползут похожие на игрушечные автомобили...

«Тридцать ярдов, сорок, пятьдесят. Стоп! Теперь разворот и круговое снижение», – раздался в наушниках голос Ричарда.

Я остановился, завис в воздухе, готовясь к развороту, и тут совершенно неожиданно трянуло так, словно кто-то попытался сорвать с меня ранец.

«Хью! В чём дело?! В чём... ..ло?! Отв... чай!» – голос Ричарда

прервался и пропал. В наушниках воцарилась полная тишина.

Почти сразу после этого трянуло второй раз с такой силой, что я несколько раз перевернувшись в воздухе, отлетел в сторону.

ГЛАВА 2

Должно быть я потерял сознание. Когда пришёл в себя, то обнаружил, что болтаюсь над макушками деревьев, чуть не задевая их подошвами ботинок.

«Какие там деревья!», – подумал я озираясь по сторонам, – «И куда ёксель-моксель девался полигон?!».

Я медленно поднялся на десять ярдов выше, чтобы разобраться куда меня занесло. Ранец послушно выполнил мою команду и на этот счёт я мог быть спокоен.

Но это было единственным тем, насчёт чего я мог быть спокоен. Потому, что внизу раскинулся лес. Он тянулся до самого горизонта. Подо мной не было ни полигона, ни извилистого хайвея, ни полей с силосными башнями. Словно какой-то исполинский ребёнок, вдоволь наигравшись конструктором, разобрал и фермы, и полигон, и бензоколонки, и автобобильчики, сложил это всё в коробку и перевязав её лентой хайвеем, убрал на полку.

«Вот зараза! – прошептал я сам себе, – Так же не бывает!».

Ничего не понимая, я смотрел вниз надеясь, что знакомый пейзаж вернётся на место так же неожиданно, как пропал.

При этом я бормотал: – «Всё просто, всё очень просто. Вероятнее всего произошло...»

Дальше этого дело не шло. Я несколько раз повторил последнюю фразу наивно надеясь, что после слов «Вероятнее

всего произошло...» сами собой придут предложения, которые легко объяснят что произошло. Но всякий раз, добравшись до конца, я обнаруживал, что там притаилось одно лишь многоточие.

Легко сказать: «всё очень просто»! Всё было, как раз очень непросто!

Судите сами! Только, что внизу был полигон. Стояли Ричард и Кейт. Торчали фермы. Куда всё это исчезло?

Убедившись в том, что рядом нет никого, кто бы прояснил ситуацию, я остыл и принялся действовать.

Что я сделал первым делом? Схватился обеими руками за голову? Грохнулся в обморок? Облегчил душу отборной бранью? Дудки! Всё это было бы совершенно нерационально. Я сделал вот что. Дитя двадцать первого века, я немедленно схватился за наши с вами цапки – достал из кармана комбинезона мобильник, чтобы определить местоположение по навигатору.

Интернет не работал. Тогда я торопливо включил электронный компас. Дело в том, что горючего у меня оставалось на десяток-другой минут. Следовало определиться на местности пока я находился в воздухе, и имел перед собой панорамный обзор. На земле я неминуемо затерялся бы в этих лесах.

Компас выручил. Теперь я хотя бы знал – где восток, где запад. С восточной и южной сторон, лес опоясывала длинная горная цепь. До неё было очень далеко. Кроме того, совсем

недалеко, всего в нескольких милях к западу я разглядел излучину реки.

Вот тут то я по-настоящему испугался. В первые секунды я не осознавал всей глубины проблемы. Я, что-то делал. Приходил в себя, озирался, смотрел на датчик высоты, искал мобильник, выяснял где север, а где юг. Это отвлекало. Покончив со всеми этими мероприятиями, я остался один на один с вопросом, на который у меня не было ответа.

Но самое страшное подстерегало внизу. Незнакомый глухой лес, который тянулся до горизонта, и в котором я, как пить дать окажусь, как только в двигателе закончится горючее.

Часы показывали 11:41. Какие —нибудь четверть часа назад я как ни в чём не бывало болтал с Ричардом и Кейтом. Где они? Зануда Кейт! С какой радостью сейчас я бы услышал его ворчание.

А ну, как я не выберусь из леса до наступления ночи? Меня прошиб холодный пот. Даже в висках застучало.

«Меня могло отнести только на север, – думал я, – Потому что когда я поднимался, дул лёгкий ветер с южного в северном направлении. Предположим на высоте в пятьдесят ярдов произошло что-то чего я пока не могу объяснить. Я потерял сознание и меня отнесло на север. На севере – Канада. Ну, вот эти густые леса, – я поглядел вниз, – как раз и похожи на Канаду. А интернета нет, потому, что... Да потому, что я покинул зону связи. Всё логично!»

Я немного успокоился. Действительно, более логичного объяснения быть не могло. Если принять его за основу, то мне следовало не теряя времени брать курс на юг. Вопрос в том – насколько далеко я переместился?

«Пока хватит горючего буду двигаться в южном направлении по воздуху. Это здорово сэкономит силы и время. Затем стану выбираться пешком. Одет я подходяще – на мне ботинки да прочный комбинезон. Рано или поздно выйду на дорогу или доберусь до жилья. Места на границе Канады и США многолюдные, здесь много населённых пунктов и зон отдыха». – решил я.

По крайней мере теперь у меня имелся план. Тревога отпустила. Я представил, как взяв курс на юг, через какое то время увижу под собой дорогу, фермы, людей – и меня охватило острое желание немедленно действовать.

На смену напряжению, которое совершенно подавляло и заслоняло собой всё остальное, пришли другие ощущения. Первым делом я почувствовал, что хочу пить. Жажда была такой сильной, что я даже удивился, как не ощутил её раньше. На западе в каких-нибудь двух-трёх милях на солнце блестела река.

Я решил первым делом направиться к ней, попить воды и рвануть на юг.

«Потеряю несколько минут, зато напьюсь вволю, а то когда ещё вода попадётся», – сказал я себе и взялся за рычаг.

В этот момент из леса вылетела стрела. Она внезапно по-

казалась из-за веток, со злым свистом описала дугу, не дотянув до меня нескольких ярдов, и скрылась обратно за макушками деревьев.

ГЛАВА 3

Меня спас набор высоты в десять ярдов, который я выполнил, когда очнулся. Продолжай я болтаться над самыми деревьями, стрела без сомнений поразила бы цель.

Вопрос «кто был целью» являлся чисто риторическим. Ответ на него был настолько очевиден, что я немедленно увеличил расстояние между собой и землёй ещё на десять ярдов.

«Что за чертовщина? – бормотал я, силясь разглядеть что-нибудь под густыми кронами деревьев. – Охотники? Многие увлекаются охотой из лука и арбалета. Да я и сам занимался в юности спортивной стрельбой из лука и неплохо стрелял, даже занимал призовые места на соревнованиях колледжей. Но разве в наши дни используют стрелы с птичьими перьями? А наконечник?! У кого в двадцать первом веке в арсенале припасены стрелы с наконечниками из шипов явно растительного происхождения?».

Я успел хорошо разглядеть стрелу. Она была именно такой, как я описал. С ярким оперением и с наконечником из длинного коричневого шипа. Он был неровный, удлинённый и явно очень острый. Я поёжился.

В безоблачном небе смеялось солнце. Его лучи щекотали макушки деревьев и окрашивали их в золотисто-лимонные цвета, но не могли пробиться сквозь густую листву и про-

никнуть вниз. В этом таилось, что-то недоброе. Я внезапно понял почему с самого начала этот лес показался мне странным и испугался так, как не пугался ещё в этот день.

Листва! Густая изумрудная листва. Но ведь сейчас поздняя осень! Все деревья давно облетели. Откуда взялись листья?!

Вопросов было много, а времени мало. Ответов я не находил. Пить хотелось так, что в тот момент меня не остановили бы все стрелы на свете. Я решил не ломать до поры до времени голову над неразрешимыми загадками и двигаться к реке.

Перелёт занял полторы минуты. Вскоре я завис над рекой. Она оказалась довольно широкой – по меньшей мере сто ярдов в ширину. Вода показалась мне чистой, во всяком случае она была такой прозрачной, что сверху я мог разглядеть песчаное дно. Берега были крутыми, заросшими кустарником.

Покружив ярдах в тридцати над поверхностью, я не обнаружил ничего подозрительного и медленно опустился на берег. Подошвы ботинок коснулись земли и я выключил мотор.

Торопливо оглядевшись по сторонам, я нетерпеливо опустился на колени и напился прямо из реки. Я вёл себя, как дикий зверь, то и дело поднимал голову и оглядывался по сторонам, затем опять опускался к поверхности воды и жадно пил.

Утолив жажду я почувствовал себя лучше. По воде бежала лёгкая рябь, звенели стрекозы. Воздух у реки был прохлад-

ным. От сочетания этих приятных факторов всё представилось в другом свете.

«Приключение, – подумал я, – Настоящее приключение».

И тут я увидел хижину. Я стоял у самой реки, от которой вверх тянулся песчаный косогор. Хижина находилась навверху, там где голый песчаник резко сменялся густыми кустами. Её стены и крыша были увиты ползучими растениями и сливались с окружающим кустарником – оттого я ничего не заметил сверху.

Приглядевшись я заметил ещё одну. Потом ещё и ещё...

Я осторожно поднялся по склону и вскоре насчитал шестнадцать хижин. Их было гораздо больше, просто я не стал считать дальше.

Эти жилища были сложены из шестов, имели плоские крыши и покрыты растениями. При этом я не видел никого из обитателей деревни.

Я решил, что это скорее удачное обстоятельство, чем нет, и что самое время улетать, но в это время раздался оглушительный, как мне показалось, треск. Сверху на меня, что-то свалилось. Я перевернулся и оказался висеть вверх ногами, замотанный в сетку. Воздух мгновенно огласился воплями и меня окружила толпа каких-то оборванцев, высыпавших из кустов и которых я очень плохо видел, потому, что плотно прижатая к лицу сетка закрыла мне почти всё обозрение.

Я поймал себя на том, что больше ничему не удивляюсь. В какой-то книге я читал, что если человека долго бьют, он

почти перестаёт ощущать боль. Нечто подобное произошло со мной. За последний час я пережил столько удивительного, что приобрёл иммунитет к необъяснимому и перестал удивляться.

«Что за странная компания босяков? Неужели это канадцы?» – подумал я довольно спокойно.

Между тем, оборванцы громко лопотали. Речь велась на английском и я всё понимал. Суть их болтовни сводилась к тому, что они поймали *Горбунча* и это здорово, потому, что *мичмаки* останутся весьма довольны.

Я висел вверх ногами и слушал этот вздор. Мне даже стало смешно, честное слово! Потому, что после стрелы и хижин, я признаться здорово испугался, но услышав английскую речь моментально успокоился. Всё встало на свои места.

Наверняка я перелетел в Канаду, а это местные охотники, золотодобытчики или лесопилы.

Один из моих друзей – Бен Хиггинс, бывал в Канаде, в провинции Квебек. Он из тех людей, кого хлебом не корми, но дай лишний раз съездить в экзотическую страну. Так вот Бен приблизительно такими и описывал канадцев.

Впрочем после поездок в Германию, Австрию и Италию, он в точности так рассказывал о европейцах. Все они, по его словам, были болванами, не знавшими ни вкусной пищи вроде бургеров и хот догов, ни удобной одежды вроде старых тишirting и стоптанных кроссовок. А футболом они вообще называли смешную игру, в которой мяч запрещено хва-

тать руками, словно его не для того придумали. Вместо этого они пинали мяч ногами! Можете себе такой футбол представить?!

Я попробовал подтянуть к лицу руки, чтобы поправить сетку и получше разглядеть окружающих. Но руки совершенно запутались, и я только извивался в тщетных попытках освободиться.

– Смотри как горбунч дёргается, – раздался голос.

– Сейчас оглушу его дубинкой, – немедленно послышалось в ответ.

– Джентльмены, – сказал я поспешно, – не будете ли так добры опустить меня на землю, освободить и...

Заткнись, сволочь! – перебила личность, которая минутой раньше предлагала треснуть меня дубинкой.

– погоди, Волк, – разве ты не слышишь, что он говорит по английски? Разве горбунчи разговаривают как мы?

– Нет. Хм. И впрямь странно, – отвечал Волк, не отличавшийся, вероятно, особо развитым интеллектом.

– Может это один из наших?

– Да нет же! Он прилетел по воздуху. И пил воду без разрешения. А какой чван лакает воду прямо из реки, как варвар? У нас демократическое общество, вода это благо, которое следует разлить в бутылки и продать. Нужно быть законченным свином, чтобы пить её бесплатно. К тому же, на спине у него нарост – ну, вылитый горбунч.

– Джентльмены, позвольте объяснить, – сказал я торопли-

во, пока они колебались и не приняли окончательное решение, – я никакой не Горбунч. Я даже не знаю, кто это такой. Может это и достойный человек. Но я с ним не знаком, смею вас уверить. Я из Соединённых Штатов. Это Канада? Квебек, да? Хотя нет! Конечно это многое бы объяснило, но тогда бы вы говорили по французски. Выходит я попал в Онтарио? Я никогда не был в Канаде и понятия не имел, что здесь такие порядки. Славная страна. И флаг у вас такой красивый. С листком каннабиса. Вот только с водой вы как-то странно дело поставили. Почему бы не попить, когда того хочется? Разве у вас нет водопровода? Далеко до границы? Где штат Нью-Йорк?

– Это горбунч, – уверенно сказал Волк, – несёт какую-то околесицу. Надо его оглушить.

– Нет, Волк, это не горбунч. Он слишком хорошо говорит по английски.

– Конечно я слишком хорошо говорю по английски! – завопил я, – А с чего бы мне на нём плохо говорить, если это мой родной язык! Сказал вам – я американец! Вызовите полицию! Вы меня незаконно удерживаете. Замотали в какую то сетку, а она воняет дерьмом! Это вообще свинство! Немедленно освободите меня, недоумки, не то я... не то я... позвоню своему дяде. Он у вас тут большая шишка!

Моя речь произвела впечатление.

– Во даёт! – сказал кто-то, – По ходу он больше на мичмака смахивает. И лается как они. Выпустим его, ребята, а то

хлопот потом не оберёшься.

Все опять залопотали хором.

Когда висишь вниз головой, стянутый по рукам и ногам, делать остаётся только одно – выводы. Этим я и занялся.

«Итак, когда я сказал правду и при этом был вежлив, – думал я, – мне не поверили. Меня обозвали „сволочью“ и пригрозили дубинкой. Стоило мне соврать, как они включили задний ход».

У меня был знакомый, который никогда не говорил правды. Его звали Доналд. При этом нельзя сказать, чтобы он был дурным парнем. Скорее наоборот. Сам Доналд утверждал, что, когда он изливал душу, люди не верили ему. Стоило же приврать, да при этом взять собеседника на испуг, перед ним открывались все двери. Вот он и взял на вооружение кривду. А что ему оставалось?

Впрочем, он не всегда был таким. В детстве ему, как и всем, внушали, что надо быть честным и никогда не обманывать. Даже это оказалось враньём! Начав вести самостоятельную жизнь, он столкнулся с обратным. Все вокруг него кривили душой и не желали не только говорить, но и выслушивать правду. Друзья вралі друзьям, родственники родственникам, родители детям, политики... Боже мой! Как вралі политики!

Дон попробовал солгать раз – другой. И нашёл, что врать и выслушивать даже самое очевидное враньё действительно гораздо проще и удобнее. Постепенно он стал говорить прав-

ду всё реже и реже, пока наконец не отвык от неё совсем.

Дошло до того, что у него развилась аллергия. Стоило сделать, при нём правдивое замечание, пусть даже самое пустячное, как он покрывался красными пятнами и задыхался. Если правдоруб не унимался, то Доналду становилось по-настоящему худо. У него начинались приступы крапивной лихорадки, отёки, резь в глазах, насморк, кашель, зуд по всему телу. Язык опухал так, что вываливался из рта.

За такую принципиальность Доналда очень уважали и он достиг больших высот в бизнесе. Единственное о чём он жалел, так это о потерянных годах в юности. «Если бы я просёк всё это на пару лет раньше, стал бы по-настоящему большим человеком – мэром, госсекретарём, а то и президентом.

«Пожалуй, – подумал я, – Дон был не так уж и неправ. Голодранцы лучше понимают язык силы».

Это стоило проверить и я немедленно заявил:

– Конечно, я мичмак. Не отпустите сию же минуту, я вам всем морды набью. Живо доставайте меня из сетки!

Наступила тишина, затем я почувствовал, что меня легонько раскачивают, и я грохнулся на землю. Руки и ноги затекли и я не мог ими пошевелить. Постепенно всё отошло. Я обнаружил рядом мой реактивный ранец, его успели принести.

Мои новые знакомые столпились вокруг. Теперь я их хорошо разглядел. Они выглядели обыкновенными людьми, вот только давно немывтыми, да и одетыми в какое-то тряпье.

Вместо обуви на них было вообще невесомое, что – куски кожи привязанные к ногам ремешками. На одном только были надеты старые рваные ботинки с высокой шнуровкой. Он стоял впереди других.

Ты мичмак? – спросил он меня.

– Вроде того. И да, и нет, – ответил я уклончиво. Я понятия не имел, кто такие мичмаки и почему они лучше горбунчей, потому стоило вести себя осторожно, – Что это вы такие... неумытые? – переменял я тему беседы, – Река же вот она, рядом.

Толпа заволновалась. По рядам прокатился удивлённый гул.

– Тратить воду на мытьё нельзя, – наконец ответил мне тот в ботинках со шнуровкой, стоявший впереди остальных.

– Почему?

– Дорого стоит. У нас неразлитой воды совсем мало осталось. Последняя река.

– Что вы такое говорите? А куда вы девали Миссури с Миссисипи?

– Давно загнали в бутылки.

– Чёрт побери! И Амазонку вы туда же засунули?

– Не слыхал про такую, – ответил тип в ботинках. – Как вы сказали?

– Амазонка. Она где-то на юге. Не помню точно где. Не то в Техасе, не то в Калифорнии.

– Не имею понятия где это. Но вся пресная вода давным

давно разлита.

– Выходит без купанья живёте?

– Как это?

– Ну не плюхаетесь в воду, чтобы смыть грязь или просто поплавать.

Глаза оборванцев округлились. Старший (в ботинках) так взволновался, что даже отступил назад.

– Влезть в воду всем телом? – спросил он в ужасе, – Нет! Это запрещено законом. У нас мало воды, её надо беречь. *У рехляндцев воды больше. Говорят, что они раз в месяц умываются.* А в городах вообще воды не осталось.

– А какой ближайший город? – немедленно спросил я.

Собеседник удивлённо посмотрел на меня, но ответил: – Нью Рим.

– Нью Рим? Надо же. Далеко отсюда?

– Три – четыре дня ходу. Это если пешком. Но через лес идти опасно, там полно нечисти вроде горбунчей.

– А кто это – горбунчи? – спросил я осторожно.

– Враги, – последовал лаконичный ответ.

«Мичмак идёт!» – негромко произнёс невысокий паренёк, тот самый, который доказывал Волку, что я не горбунч.

ГЛАВА 4

Оборванцы поспешно расступились и я впервые в жизни увидел мичмака.

Шестифутовая гора мышц упрятанная в камуфляжную форму. Свободные штаны с толстыми кожаными наколенниками да майка с короткими рукавами и надписью ОММ. На ногах ботинки из мягкой кожи. Волосы стриженные, высокий лоб, уверенный взгляд и неторопливые движения человека привыкшего командовать. На вид лет ему было за сорок. На поясе висел широкий нож в кожаных ножнах, а на бедре левой ноги кобура с пистолетом. В общем, передо мной стоял старый солдат.

Вояка подошёл вплотную, уставился на меня и неожиданно вежливо, что представляло довольно странный контраст с его видом, сказал:

«Добрая ночь, молодой человек! Добро пожаловать в ОММ!».

Уловив мой вопросительный взгляд, воин пояснил, – «ОММ означает – Объединённые Миры Мичмакии. Меня зовут Вринч. Я двухзвёздный центурион и в настоящее время исполняю обязанности префекта местного поста».

Я немного удивился, странному началу приветствия, но так как это не было единственным, что вызывало вопросы, то я поднялся с земли, кивнул и тоже представился:

– Я Хью. Хью Бредни, сэр. Буду признателен, мистер Вринч, если вы объясните, где я нахожусь и как мне добратся до границы с США.

– До границы с США? Хм. Что ж извольте, только пройдем на пост, там я без промедлений удовлетворю ваше любопытство. Сейчас ночь и я не могу покидать пост надолго. Не ровен час под покровом тьмы нагрянут горбунчи.

– Какой тьмы?! – не выдержал я. —Какой Нью Рим?! Какая ночь?! Сейчас день и солнце светит всюю!

Мои давешние друзья голодранцы засвистели от изумления и зашептались. Мичмак недовольно посмотрел на них и одного этого оказалось достаточно, чтобы мгновенно воцарилась тишина.

Вринч сказал:

– Ты заблуждаешься, приятель. Сейчас ночь и на небе луна. А солнце в данный момент находится ниже линии горизонта. И это неоспоримо доказывает мою правоту. Вот, если бы было светло, а солнце находилось выше линии горизонта, вот тогда был бы день. Впрочем, ты устал, и от этого не в себе. Не то бы я тебе живо переломал... я хотел сказать: я бы вам живо доказал, что сейчас ночь, а не день. Но в любом случае у нас демократия и если кому нравится шататься по ночам вместо того, чтобы спать, (Вринч, кося глянул на толпу), – то он вполне может этим заниматься сколько угодно. А теперь заткни пасть, чёртова скотина, и дуй за мной, потому, что демократия здесь имеет пределы

моего терпения.

Меня уже трудно было чем-нибудь удивить, поэтому я молча поднял ранец и последовал за Вринчем, который зашагал впереди.

Пост соответствовал всему остальному. Он оказался двухэтажным автобусом, с которого зачем то сняли колёса и установили днищем на землю. Завидев автобус я сразу мысленно окрестил Вринча «обер-кондуктором».

Окна были защищены металлической сеткой. На крыше установлена башенка, из которой торчал ствол пулемёта. Кроме того, пост окружало высокое ограждение из колючей проволоки.

Вринч подошёл к ограждению и открыл небольшой проход – что-то вроде замаскированной в проволоке калитки. Он пропустил меня, закрыл проход и молча указал мне на переднюю дверь автобуса.

Всё пространство внутри было разделено на несколько помещений. Кухня, спальная комната, туалет, склад продуктов, боеприпасов и всякого барахла.

– Здесь канцелярия, – сказал Вринч, открыв дверь тесного помещения, напротив туалета.

Он уселся за стол и указал мне на стул напротив себя.

– Садись и задавай свои вопросы. Я думаю у тебя их немало накопилось. Выскажись по полной программе, а я пока вздремну. Разбудишь, когда всласть выговоришься, варвар!

– Зачем же мне спрашивать, если вы будете спать? – по-

интересовался я.

– А потому, что арестованный имеет право задавать вопросы. Раньше ещё кажется разрешалось звонить по телефону, но телефонов на Земле уже нет и формулировка потеряла актуальность. Твоя болтовня разогнала мой сон. Ладно не буду спать. Спрашивай – отвечу.

Я кивнул головой, поставил ранец на пол, сел на предложенное место напротив Вринча и приступил к делу:

– Вопросов у меня немного. Хотелось бы знать – куда меня занесло? Насколько я сейчас далеко от дома? Почему вы меня обзываете, то варваром, то арестованным? Кто пытался подстрелить меня из лука, когда я болтался над лесом? Кто такие горбунчи? Куда девался весь медперсонал этой психиатрической больницы? Где ближайший полицейский участок? Да и чуть не забыл – как мне вернуться домой?

– Ну, если в двух словах, то занесло тебя в мир первой категории с пятизначным индексом А1 874. От дома ты далеко. Варваром я тебя называю потому, что ещё не идентифицировал тебя не знаю из какого мира ты проник к нам. Арестованным потому, что ты совершил тяжкое преступление на нашей территории. Подстрелить тебя пытались скорее всего батчи. Никакая это не психиатрическая больница. Полицейских участков у нас нет. В городах имеются когорты порядка, но от нас они далеко. Твоё любопытство удовлетворено, варвар?

– Вы не ответили на последний вопрос. Как мне вернуться

домой?

В США? – с сарказмом уточнил Вринч. Я кивнул.

– Я ведь тебе уже объяснил... хотя никто из вас не верит с первого раза. Дело в том, что... как бы тебе сказать. В общем ты конечно, заметил некоторые отличия...

– Ради бога! Просто скажите мне, где я. А я уже сам как-нибудь сориентируюсь. Так куда меня занесло? В Китай, в Россию, в Индию?

– В какую ещё Вкитаросиндию?! Ты за пределами своего мира.

– За пределами своего... Как вы сказали?

– Ты покинул свой мир. Попал в петлю времени и переместился к нам. Наш мир расположен между несколькими временными петлями и часто происходят колебания, которые нарушают стабильность времени. Время не есть величина постоянная. Оно живёт своей жизнью – сжимается и расширяется, ускоряется и замедляется. К нам часто попадают пришельцы из параллельных миров. У нас даже имеется агентство по делам иммиграции, которое решает оставить мигранта или депортировать, когда есть такая возможность.

– Покинул свой мир? То есть, я в космосе? Типа на Луне или... какие там ещё бывают эти самые...

– Ты на Земле, кретин! И тем не менее ты находишься в другом мире. Ты переместился во временном пространстве. Попал в один из великого множества параллельных миров. Мы на Земле, но Земля здесь не та, какую ты знаешь.

У каждого мира свои особенности развития, своя история. Есть миры похожие один на другой, как две капли воды. Есть и такие, что вроде на первый взгляд во всём одинаковы, но потом выясняется, что там такие отклонения, что ого-го! Существуют миры уникальные, не похожие ни на какие другие. Наконец бывают малоизученные дикие миры третьей категории с трёхзначным индексом. От третьих миров лучше держаться подальше. Как бы тебе втолковать... Ну, вот представь себе гроздь винограда, в которой каждая ягодка целый мир. Внутри ягод существуют цивилизации и всем им, отделённым от реальности виноградной кожицей, кажется, что они уникальны. Им невдомёк, что на одной с ними грозди, совсем рядом теснятся ряды таких же миров. А теперь представь целый виноградник, покрывающий территорию в тысячи гектаров. Сколько в нём ягодок винограда?

Я оттёр со лба пот. В голове царил хаос: «Одно из двух – либо я сошёл с ума и всё это игры разума, либо оказался на территории какой-то секретной клиники для душевнобольных. Хотя нет! Этот Вринч вооружён до зубов. Кто бы доверил столько оружия психу! Да и его друзья голодранцы все как один разгуливают на воле со своими дубинками и сетками и, как пауки подвешивают случайных посетителей кверху ногами. Где санитары? Где главный врач? Нет никакого намёка на их присутствие. К тому же разве могут все пациенты страдать одним типом расстройства? Ведь им всем мерещатся горбунчи, мичмаки и прочая одинаковая дрянь.

Нет на психушку это не похоже. Господи Иисусе! Неужто я свихнулся?!»

Вринч перебил мои мысли:

– Дело обстоит именно так, как я сказал. Просто требуется время, чтобы всё осмыслить. Ведь это противоречит всему, что ты знаешь, а людям свойственно отвергать новое, когда оно непонятно. Хочешь кофе? Снаружи и кофе, и вода стоят целое состояние, но пост является территорией ОММ, здесь у нас демократия и для своих всего навалом.

Я машинально кивнул головой. Вринч открыл ящик своего стола и достал банку растворимого кофе, флягу с водой и два стакана. Я с невольным интересом наблюдал за ним, поскольку привычный вид этих нехитрых предметов действовал успокаивающе.

«Какой там параллельный мир?! – подумалось мне, – Растворимый кофе, вода, стаканы, болтовня о демократии... Всё просто и буднично. С другой стороны, если призадуматься, то ведь и в параллельном мире из чего-то должны пить кофе».

Вринч залил кофе холодной водой, взболтал и протянул мне один из стаканов.

– Холодный? – спросил я.

– Башка у тебя холодная! Горячий. У вас разве нет технологии моментального подогрева? В кофе добавлен катализатор, ускоряющий химическую реакцию и напиток мгновенно нагревается. Отпей!

Я осторожно попробовал. Кофе был обжигающе горячим.

– И, что дальше? — растерянно спросил я. Дело в том, что я вконец запутался. ничего не понимал и пытался найти лучик света, который прояснил бы ситуацию.

Тот пожал плечами:

– Ничего особенного. Поспишь до вечера. На закате тебя казнят.

– Казнят?! За что?

– Ты пил воду не имея на то права. За это по местным законам полагается смертная казнь. Отравленный дротик либо смерть от электричества – распятие на столбе в грозу.

– Яд или электричество, подумать только! И это ваша демократия?

– Конечно, а что же ещё?

Я молча смотрел на Вринча. Тянулись секунды. Наконец я нарушил молчание. Интересно, что больше всего меня в тот момент удивило другое:

– А почему на закате? Сами же утверждали, что сейчас ночь.

– Конечно сейчас день. Этот спектакль я разыграл для чванов. Их нужно держать в кулаке, чтобы думали – не о чём попало, а о том, что нужно нам. А для нас важно, чтобы эти болваны поменьше знали о том, как устроен мир. Потому мы изменили им время суток. Ночь вместо дня, вечер вместо утра. Придумали зимнее время, летнее время. Умора! Лупим по извилинам, вешаем на уши всякую лапшу. Про то,

что нельзя пить воду без спросу, про последнюю реку...

– Что-то я то не просекаю. Так на самом деле воды много? А с какой радости она стоит целое состояние снаружи?

– В этом то всё дело, брателло! Вода стоит дорого именно оттого, что чваны считают – её мало. А узнают, что много – кто станет за неё платить? Это бизнес, бутылочная коммерция. В вашем мире, что нет коммерции?

– И вы так откровенны со мной потому, что собираетесь казнить, не так ли? Но насколько я понимаю, если вы врётё чванам про то, что воды мало, а её на самом деле много, то правовых оснований казнить меня у вас не имеется.

Вринч удивился:

– Скажите пожалуйста, – «правовых оснований»... Для варвара ты соображаешь неплохо. Но скажем так: мы не врём, а дезинформируем. У демократии свои законы и умелая дезинформация одна из её сторон. К сожалению, тебя казнят. Лично я против тебя ничего не имею.

– Вы, что-то говорили про депортацию. Это реально? Может депортируете меня? Прямо сейчас. Вам же меньше хлопот.

– Не скажи, варвар. Это сложная процедура. К тому же я не знаю откуда ты и есть ли у нас возможность депортации в этом направлении. Кроме того, для этого тебя нужно переправить в Нью Рим, где имеется единственная в ОММ депортационная временная капсула. Одни расходы. Казнить экономичнее.

– А как на это посмотрит агентство по иммиграции, которое по вашим словам должно решать судьбу иммигранта?

– Сквозь пальцы. Как начальник отдалённого поста я являюсь одновременно представителем агентства иммиграции ОММ в этом районе.

– А ООН в вашем мире имеется? Или там... ну я не знаю... Женевская конвенция? Считайте меня потерпевшим кораблекрушение или военнопленным.

– Мне неизвестны эти собрания – холодно обронил Вринч. – Возможно они важны в твоём мире, но не имеют полномочий здесь.

– И это называется миром первой категории? Ох и дутая у вас демократия! Одно название!

– Какая есть, дружок.

– Совсем ничего нельзя поделаться? Я про казнь. Может договоримся?

Вринч задумчиво посмотрел на меня и медленно проговорил:

– Вообще-то имеется один выход.

– Какой?

– Вступить в армию ОММ. Стать мичмаком, одним из нас. В этом случае ты получаешь неприкосновенность и прощение за своё преступление.

– И меня не казнят? – После кофе который на моих глазах из холодного мгновенно стал горячим, я не то, чтобы так сразу взял и поверил в «паралельный мир», но во всяком

случае засомневался.

Вринч отрицательно мотнул головой.

– Я могу подумать?

– Конечно, мы же в свободной стране. У тебя целых девятнадцать секунд.

«Девятнадцать пинков тебе в живот!», – подумал я, но спросил:

– А почему собственно девятнадцать?

– Потому, что восемнадцати будет мало, а двадцать слишком жирно. У демократии всё просчитано, взвешено и оценено. Кстати, осталось двенадцать секунд, а второго шанса подумать не даётся. У нас это вообще не принято.

– Я согласен! – «Во всяком случае хуже не будет, – подумал я, – а при первой же возможности драпану. Мне бы до полицейского участка добраться и „слить“ их всех. А уж там пускай фараоны разбираются, кто из нас варвар».

– Ну и славно, – ответил Вринч. – В общем, тебе... это самое – оказана огромная честь. С этой минуты ты воин ОММ. Подпиши бумагу и перед тобой откроются невероятные и грандиозные перспективы, – он зевнул и подсунул мне лист бумаги и ручку, которые достал из ящика стола.

– Она же пустая, – недоумённо сказал я повертев в руках бумагу.

Вринч кивнул.

– Конечно пустая. Рекрут ставит подпись, а контракт составляется позже, когда станет ясно на что он способен и как

его лучше использовать. Всё равно ты теперь просто кусок пушечного мяса и прав у тебя нет никаких. Захочу пошлю на войну знаменосцем, захочу заставлю маршировать на месте, захочу отправлю с поручением в дальнюю колонию через джунгли. У вас, что другие порядки?

– Да. – гордо сказал я, – У нас настоящая демократия в отличие от вашей. У нас сначала предлагают прочитать контракт, а затем уже подписать его. И только после этого ты становишься пушечным мясом и тебя могут заставить маршировать на месте или послать на войну.

Вринч снёс удар не моргнув глазом.

– И в чём разница? – спросил он. В конечном итоге ты всё равно становишься пушечным мясом и делаешь то, что тебе приказано. Что ещё не так?

– Всё не так! У нас армия отделена от министерства иммиграции. И наши военные не решают судьбу иммигрантов. На каждый случай у нас есть отдельное министерство с множеством сотрудников. Сколько случаев, столько и министерств, понятно? Кроме того, у нас имеется полиция, ООН, Гаагский суд и...

– А зачем вам столько бездельников? – глаза Вринча округлились от удивления, – Нужно быть последними идиотами, чтобы платить такие налоги. Как ты сказал? Министерство с множеством сотрудников на каждый случай! Солнечный протуберанец им всем в одно место! Грабёж среди бела дня! Даже чваны бы взбунтовались посади мы им на шею

столько прожорливых паразитов. Так, что заткнись и подписывай. Или предпочитаешь быть казнённым через шесть часов?

Я расписался и вернул чистый с одной лишь подписью, лист бумаги Вринчу.

– Поздравляю с вступлением в Вооружённые Силы Мичмакии. Теперь ты можешь пожрать, потом я тебя классифицирую, затем отбой, а завтра с утра начнётся твоя эволюция в ходе которой из летающей обезьяны ты превратишься в мичмака, – торжественно сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.